

HÜQUQ

УДК 34

**ТАК ЛИ ЦЕНТРАЛИЗОВАНА ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ
КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ?****Р.Р.ИСМАИЛОВ***Бакинский государственный университет*
rissmailov@yahoo.com

Традиционное восприятие европейской модели конституционного контроля сформировалось во многом благодаря итальянскому ученому Пьеро Каламандреи, разработавшему в середине прошлого века классификацию конституционного контроля, одним из важнейших элементов которой является противопоставление централизованной и децентрализованной моделей конституционного контроля. Данная классификация основывалась на конституционном опыте весьма ограниченного числа государств, предусмотревших на тот период в своих правовых системах институт конституционного контроля. По прошествии нескольких десятилетий эволюция конституционного контроля в этих странах, а также его установление и развитие во многих других государствах позволяет иначе взглянуть на некоторые устоявшиеся понятия. В частности, проверка конституционности, осуществляемая по обращениям судов общей юрисдикции, превратила монополию конституционного суда на осуществление контроля за конституционностью в его монополию на обязательное для соответствующих субъектов признание нормы неконституционной. Кроме того, централизованность европейской модели еще более ослабляется в результате толкования судами общей юрисдикции законов в соответствии с Конституцией, которое по сути является «малым» конституционным контролем, призванным запрещать неконституционное содержание нормы, а не ее текст. Проверка «доконституционных» законов судами общей юрисдикции, проводимая в ряде стран, также свидетельствует о некоторой децентрализации европейской модели. Существующая во Франции практика взаимоотношений между Кассационным судом, Государственным советом и Конституционным советом свидетельствует, что в этой стране имеются три независимых высших судебных органа, каждый из которых может толковать Конституцию самостоятельно. Таким образом, централизованность европейской модели размывается рядом децентрализующих элементов, предусмотренных как на законодательном уровне, так и введенных судебной практикой различных конституционных судов.

Ключевые слова: европейская модель конституционного контроля, централизованный контроль, монополия конституционного суда на осуществление конституционного контроля, конституционно-конформное толкование, доконституционные законы, судебное толкование

Традиционное восприятие европейской модели конституционного контроля неотделимо от такого ее качества, как централизованность, которая позволяет наряду с другими критериями различать эту модель от американской. Такое положение вещей сложилось во многом благодаря Г.Кельзену, признаваемому главным образом фактическим автором этой модели контроля, который в своей широко известной полемике с К. Шмиттом о гаранте конституции отмечал крайнюю желательность централизации конституционного контроля в интересах авторитета конституции [18], [19, с. 349], а также итальянскому ученому-юристу П.Каламандреи, разработавшему в начале 1950-х гг. классификацию конституционного контроля, признанную впоследствии классической [24, с. 98]¹, одним из важнейших элементов которой является противопоставление централизованной и децентрализованной моделей конституционного контроля.

При этом П.Каламандреи, формируя свою позицию, мог опираться на конституционный опыт весьма ограниченного числа государств, предусмотревших в правовых системах на середину прошлого века институт конституционного контроля. Однако по прошествии нескольких десятилетий эволюция конституционного контроля в указанных странах, а также его установление и развитие во многих других государствах позволяет по-другому взглянуть на некоторые устоявшиеся понятия и, возможно, понять необходимость обусловливания их широкого использования некоторыми оговорками.

В частности, апелляция к географии при наименовании моделей конституционного контроля имеет весьма условный характер. Организация конституционного контроля в ряде европейских государств, таких как Греция² (ст. 93.4 Конституции), Ирландия (ст. 34.4 Конституции)³, Дания и Норвегия⁴, а также Швеция¹ (§ 14 гл. 11 Акта о форме правле-

¹ См.: *Ferrer Mac-Gregor E. Panorámica del derecho procesal constitucional y convencional. Madrid, 2017. P. 98.*

² Статья 93.4 Конституции Греции устанавливает, что суды обязаны не применять закон, содержание которого противоречит Конституции. [30, с. 11].

³ Согласно ст. 34.4 Конституции Ирландии, если настоящей статьей не предусмотрено иное, юрисдикция Высокого суда распространяется на вопрос конституционности любого закона, и ни один такой вопрос не может быть поставлен в любом суде, учрежденном на основании настоящей или любой другой статьи настоящей Конституции, кроме Высокого суда, Апелляционного суда или Верховного суда [36, с. 587—588].

⁴ Конституционные документы Дании и Норвегии не предусматривают норм об осуществлении судами конституционного контроля, тем не менее он осуществляется во многом благодаря судебному истолкованию соответствующих конституционных положений и вкладу правовой доктрины. [27, с. 15—16]. →

ния), по многим параметрам ближе к организации конституционного контроля в США, чем к европейской модели. В Португалии уже в XIX в. суды заявили о своем праве не применять неконституционное законодательство [1, с. 678-679]. Конституция 1911 г. под влиянием бразильской Конституция 1891 г. подтвердила это право в ст. 63: если в деле, переданном на рассмотрение суда, одна из сторон ставит под сомнение действительность закона, суды проверяют соответствие этого акта Конституции и изложенным в ней принципам [1, с. 681].

С другой стороны, некоторые латиноамериканские государства в значительной степени заимствовали элементы европейской модели [2], [3, с. 334-336], в то время как на азиатском континенте есть примеры, которые могут быть связаны как с американской (например, Япония² и Филиппины³), так и европейской моделями (например, Южная Корея⁴ и Индонезия⁵). Соответственно, обозначение моделей как «американская» и «европейская» имеет весьма условный характер.

Однако более существенно то, что в результате развития конституционного контроля в странах, относящихся к европейской модели, возможно подметить изменение степени централизованности осуществляемого контроля. Общеизвестно, что важнейшим качеством систем с централизованным конституционным контролем признается обеспечение невозможности принятия различных решений о конститу-

¹ → В соответствии с § 14 гл. 11 Акта о форме правления если суд установит, что какое-либо положение противоречит норме основного закона или другому высшему закону, это положение не должно применяться. То же самое относится к случаям, когда процедура, установленная законом, была нарушена в каком-либо важном отношении при принятии положения. [27, с. 16].

² В статье 81 Конституции Японии определено, что Верховный суд является судом высшей инстанции, полномочным решать вопрос о конституционности любого закона, приказа, предписания или другого официального акта [37, с. 289—310].

³ Согласно статье VIII, раздела 2 (1) Конституции Филиппин 1935 г. в юрисдикцию Верховного суда данного государства входят в числе прочего все дела, в которых ставится под сомнение конституционность или действительность какого-либо договора, закона, исполнительного распоряжения или постановления [20, с. 121-156].

⁴ В соответствии со ст. 107(1) Конституции Южной Кореи если в суде рассматривается вопрос о конституционности закона, то суд должен затребовать решение Конституционного суда, в соответствии с которым он принимает свое решение [21, с. 141-167].

⁵ Согласно ст. 24 Конституции Индонезии, Конституционный суд обладает полномочием рассматривать дела как первая и последняя инстанция и имеет право принимать окончательные решения по вопросам соответствия законов Конституции, о спорах между государственными органами о полномочиях, установленных Конституцией, о роспуске политической партии, о результатах всеобщих выборов [4, с. 214-229].

ционности, что обеспечивается монополией конституционного суда на осуществление конституционного контроля.

В частности, Г.Кельзен выступал против осуществления конституционного контроля судами общей юрисдикции по американскому образцу. В основе этого подхода лежало убеждение, что диффузной (децентрализованной) модели свойственна правовая неопределенность. Это связано с тем, что суды США вправе не применять признанный неконституционным закон, но не имеют полномочий признать его недействительным с обязательной силой *erga omnes*, т. е. фактически окончательно «удалить» его из правового порядка страны. Указанное положение влечет риск, что другой суд, применяющий тот же закон в другом деле, может либо вообще не проверить его конституционность, либо, осуществив контроль, признать его соответствующим Конституции, например, путем иного истолкования, и применить его в этом деле. Таким образом, различные суды могут прийти к противоречивым выводам относительно конституционности одного и того же закона, что создает возможность правовой неопределенности [31, с. 268], которая может быть устранена посредством «монополизации» конституционного контроля.

Указанная монополия в Австрии подверглась существенному преобразованию в результате проведения конституционной реформы от 7 декабря 1929 г. [5], которая, изменив ст. 140 Конституции, распространила право на оспаривание конституционности закона на Верховный и Административный суды. Любая сторона спора, рассматриваемого одним из этих двух высших судов, могла поставить перед ним вопрос о конституционности закона, применимого к конкретному делу, хотя сам конституционный вопрос мог быть поднят перед Конституционным судом только решением суда, поскольку, с процессуальной точки зрения, решающим был общественный интерес, защищаемый судами, а не частные интересы сторон в соответствии с объективной природой процессов нормативного контроля [38, с. 292].

Таким образом, конституционная реформа 1929 г. изменила сущность монополии Конституционного суда на осуществление контроля за конституционностью, превратив ее по сути в монополию Конституционного суда на обязательное для соответствующих субъектов признание нормы неконституционной, поскольку в определенном смысле два высших суда общей юрисдикции, получившие право вносить в Конституционный суд соответствующий запрос, по смыслу ст. 140 Конституции, прежде чем принять решение о его внесении, логически должны были сформулировать мнение о несоответствии нормы Конституции, на котором далее основывалась бы постановка вопроса о конституционности.

Иными словами, контроль, осуществляемый специализированным Конституционным судом по обращениям судов (судей) общей юрисдикции, по сути, имеет двухступенчатый характер. Если судья, рассматривающий конкретное дело, отказывается удовлетворить ходатайство стороны о направлении вопроса о проверке конституционности в Конституционный суд, он фактически единолично решает эту проблему, внося таким образом элемент децентрализации в европейскую модель.

Если же ходатайство удовлетворяется, две ступени конституционного контроля следуют одна за другой. Первая, предварительная ступень, входящая в сферу полномочий судов общей юрисдикции, сводится в итоге к оценке реакции на запрос Конституционного суда. Вторая, дефинитивная, является прерогативой Конституционного суда. Тем не менее обращающийся суд обязательно осуществляет проверку конституционности, поскольку условиями для обращения в Конституционный суд являются в зависимости от системы контроля, применяемого в конкретной стране, его сомнения в конституционности применяемой в деле нормы или его убежденность в неконституционности такой нормы.

Таким образом, можно предположить, что где бы ни существовал этот процессуальный механизм, вне зависимости от его наименования, Конституционный суд, в той мере, в какой он разделяет с судами общей юрисдикции возможность выносить решения о конституционности, утрачивает монополию на конституционный контроль, сохраняя ее лишь на признание оспариваемой нормы неконституционной.

Отметим, что централизованность европейской модели еще более «размывается» по причине толкования судами общей юрисдикции законов в соответствии с Конституцией, в результате так называемого конституционно-конформного толкования.

«Конформное толкование» — это выражение, используемое как на национальном, так и на международном уровнях для описания метода, на основе которого норма интерпретируется в свете других правил поведения, принадлежащих либо внутригосударственному правопорядку, либо наднациональному. В этом смысле можно сказать, что конформное толкование может иметь как внутрисистемное, так и межсистемное значение. В первом случае речь, как правило, идет о толковании законов в свете конституционных требований.

В научной литературе понятие «конституционно-конформное толкование» обычно ассоциируется именно с европейской моделью конституционного контроля, где она получила широкое распространение [22, с. 291-305].

Рождение доктрины конституционно-конформного толкования

связано с деятельностью Федерального конституционного суда Германии (далее также — ФКС Германии), который впервые ее применил в 1953 г., отметив, что презумпция конституционности закона обязывает суд применять такое толкование [6]. Логика конституционно-конформного толкования состоит в том, что если на основе общепризнанных методов толкования возможно вывести более чем один результат толкования, правоприменители должны выбрать тот из них, который соответствует смыслу Основного закона. Сходные правовые позиции выражены многими конституционными судами¹.

Как показывает практика различных конституционных судов, доктрина конституционно-конформного толкования основывается на том, что неконституционность и, соответственно, недействительность нормы — это *ultima ratio*. Поэтому в случаях сомнений относительно конституционности нормы толкование закона, соответствующее Конституции, является более предпочтительной формой реакции конституционного суда.

При этом конституционно-конформное толкование может быть обосновано исходя из различных соображений. Здесь укажем на три взаимосвязанных аспекта: 1) принцип максимального сохранения нормы, присущий любому иерархически структурированному правовому порядку; 2) презумпция о внутренней непротиворечивости правового порядка; 3) проявление судебной сдержанности, основанной на судебном уважении (*judicial deference*) в отношении законодательной власти.

Именно соображениями судебной сдержанности и, соответственно, стремлением удержать как свою практику, так и практику судов общей юрисдикции в рамках традиционного восприятия роли и места органов правосудия, не обладающих правотворческими функциями, была продиктована позиция ФКС Германии о пределах конституционно-конформного толкования, выраженная в 2014 г. Во-первых, Суд отметил важность правильного, добросовестного применения общепризнанных методов толкования закона. Кроме того, пределы конституционно-конформного толкования очерчены семантическими границами толкуемой нормы, ее основными целями, объективированными намерениями законодателя. По мнению Суда, несоблюдение данных правил позволит обойти политическое решение, принятое демократически легитимированным законодательным органом [9].

Конституционно-конформное толкование не является исключительной прерогативой ФКС Германии. Иные суды также обязаны

¹ См., например, решения Конституционного суда Испании № 111/1993 от 27 апреля 1993 г. [44] или Конституционного суда Италии № 279/1990 от 31 мая 1990 г. [45].

(именно обязаны) осуществлять данный вид толкования. Дело том, что содержание параграфа 1 ст. 100 Основного закона обязывает суды проверять конституционность законов, применяемых ими в конкретных делах. Однако Федеральный конституционный суд, согласно устоявшейся практике, признает запрос судов о проверке конституционности на основе указанной нормы Основного закона только в том случае, если обращающемуся суду, несмотря на все разумно предпринятые действия, не удалось истолковать оспариваемую норму в соответствии с Конституцией [10], [11], [12].

Сходная ситуация сложилась в Италии, где начиная со второй половины 1990-х гг. одним из оснований приемлемости конституционного запроса суда является демонстрация им поиска конституционно-конформного толкования в конкретном деле [33, с. 113].

По мнению профессора Фрайбургского университета М.Йестада, в результате истолкования нормы закона в соответствии с Конституцией очевидно, что текст нормы остается неизменным, в то время как ее содержание или возможные истолкования уменьшаются за счет устранения неконституционного толкования. Иными словами, конституционно-конформное толкование ограничивает содержание нормы (ее толкования), не ограничивая форму нормы, т. е. текст нормы [28, с. 36].

Конституционно-конформное толкование подвергается критике в связи с тем, что оно является по сути не толкованием, а представляет собой фактический конституционный контроль, скрываемый посредством смешения вопросов содержания нормы и ее соответствия конституции. Вопрос, на который должен быть дан ответ в ходе толкования — что означает нормативный акт, — смешивается с вопросом, на который обычно отвечают путем признания или непризнания неконституционности оспариваемой нормы — является ли толкуемый нормативный акт соответствующим конституции [29, с. 63].

Из этого следует, что конституционно-конформное толкование по сути является «малым» конституционным контролем, призванным запрещать неконституционное содержание нормы, а не ее текст. При этом учитывая, что суды общей юрисдикции в некоторых странах, например, как указано выше, в Германии и Италии фактически обязаны толковать законы в соответствии с Конституцией, указанная выше монополия конституционных судов на признание оспариваемой нормы неконституционной сводится к монополии на отмену действия текста нормы, а не ее содержания.

Этот вывод косвенно подтверждается упомянутым выше решением ФКС Германии 2014 г., в котором было отмечено, что суды общей юрисдикции нарушают гарантированное ст. 101 Основного закона

право на законного судью, если они воздерживаются от передачи в Федеральный конституционный суд дела, касающегося нормы, которую в противном случае они сочли бы неконституционной, поскольку они недопустимо истолковали эту норму в соответствии с Конституцией. В рассматриваемом деле Федеральный верховный суд, придерживаясь своей судебной практики по «изолированному» планированию с заменой собственности, косвенно отверг необходимость передачи дела на рассмотрение Конституционного суда в связи с предполагаемой возможностью толкования Федерального строительного кодекса в соответствии с Основным законом. Таким образом, Федеральный верховный суд нарушил гарантию законного судьи, недопустимо предположив возможность толкования в соответствии с Основным законом, не применив п. 7, ч. 2 § 95 Федерального строительного кодекса, который он считал неконституционным, и не передав дело в Федеральный конституционный суд [9].

Таким образом, ФКС Германии подтвердил свою монополию на отмену действия текста нормы в случаях, когда истолковать ее в соответствии с Основным законом на основе общепризнанных методов толкования не представляется возможным, и связал данную монополию с конституционным правом на законного судью.

Кроме того, внутренняя структурная организация органа, осуществляющего конституционный контроль, также может свидетельствовать о проявлении элементов так называемой скрытой децентрализации, существование которых не очевидно на первый взгляд. Например, наиболее важной и уникальной структурной особенностью ФКС Германии является его разделение на два сената, обладающих взаимоисключающей юрисдикцией. Сенаты тоже отделены персонально, так как судьи избираются в Первый или Второй сенат, причем один из Сенатов возглавляет председатель суда, а другой — заместитель председателя суда. Оба они полностью независимы в отношении судебных дел, рассматриваемых их соответствующими сенатами. Наконец, каждый Сенат имеет собственное административное управление для организации своей работы.

Такое положение вещей объясняет, почему в немецкой правовой доктрине существует мнение, что каждый из сенатов является самостоятельным федеральным конституционным судом [39, с.22], которое подтверждается фактом, что сенатами вырабатываются различные подходы по одним и тем же вопросам. Правда, законодательством предусмотрена процедура по преодолению таких разногласий. Согласно § 16(1) Закона о Федеральном конституционном суде «если один из сенатов расходится по какому-либо правовому вопросу с толкованием

права, содержащимся в решении другого Сената, то вопрос разрешает Пленум Федерального конституционного суда» [25]. Вопрос о созыве Пленума в этих обстоятельствах должен решаться Сенатом, который не согласен с судебной практикой другого Сената. Противоположный Сенат вправе решать, была ли затронута его существующая судебная практика, поэтому созыв Пленума возможен по обоюдному согласию сенатов [32, с. 19-20].

Применительно к Германии также следует указать на сравнительно распространенную практику признания судами общей юрисдикции неконституционными положений законов, принятых до вступления в силу Основного закона 1949 г. [34] В своем знаменитом решении Федеральный конституционный суд заявил, что, как правило, он не обладает монополией на так называемые доконституционные законы» (*vorkonstitutionelle Gesetze*), т.е. парламентские акты, принятые до вступления в силу Основного закона 24 мая 1949 г. ФКС Германии обосновал свою позицию тем, что законодательная история ст. 100 Основного закона, а также прецеденты Веймарской республики говорят в пользу того, что суды общей юрисдикции могут осуществлять проверку конституционности таких законов [7]. В результате, начиная с этого решения, каждый раз, когда Федеральный конституционный суд оценивает обращения о проверке конституционности доконституционного закона, он в соответствии со ст. 100 Основного закона объявляет их неприемлемыми и оставляет решение этого вопроса на усмотрение судов общей юрисдикции. В доктрине в целом такой подход Суда, именуемый принципом освобождения доконституционного законодательства от монополии Федерального конституционного суда на проверку конституционности, был признан верным [35, с. 250-251].

В дальнейшем ФКС Германии уточнил, что означает понятие «доконституционный закон»: им признается только такой закон, принятый до вступления в силу Основного закона, который не был прямо или косвенно подтвержден постконституционным федеральным законодателем [8]. Таким образом, судам общей юрисдикции было предоставлено право самим определять, когда они вправе осуществлять проверку конституционности таких законов и, соответственно, объявлять их неконституционными, т. е. решать, когда монополия Федерального конституционного суда на объявление закона неконституционным не применяется.

Отметим, что соответствующие решения судов общей юрисдикции не обладают силой *erga omnes* и распространяются только на конкретное дело. То есть суды по существу не применяют в конкретном деле нормы, признанные неконституционными, поэтому их соответствующие решения не влекут более широких последствий.

Практика Конституционного суда Испании свидетельствует о несколько ином подходе к вопросу о том, кто должен осуществлять проверку конституционности доконституционных законов. Третье отменяющее положение Конституции Испании, согласно которому отменяются все положения, так или иначе ей противоречащие, позволяет судам общей юрисдикции не применять доконституционные нормы, нарушающие Конституцию. С другой стороны, Конституционный суд Испании в нескольких постановлениях указывал, что его юрисдикция распространяется на решение вопроса о конституционности доконституционных норм, если судьи и суды обратятся с соответствующим запросом в рамках процедуры конкретного контроля при наличии у них сомнений относительно конституционности таких норм [40]. Таким образом, Конституционный суд Испании, сохраняя возможность окончательного контроля за проверкой конституционности таких законов, признал возможность делить свою монополию на проверку доконституционных норм с судами общей юрисдикции [26, с. 542].

Содержание такого гибкого по утверждению бывшего председателя Суда профессора П. Крус Вильялона подхода связано с историческим контекстом, в рамках которого он был применен: в первые годы после принятия Конституции практически вся правовая система Испании была доконституционной, не существовало развитой конституционной традиции обеспечения верховенства Конституции, не были выработаны основные принципы конституционного толкования. С другой стороны, лаконичность многих наиболее значимых конституционных норм порождает проблемы толкования, при которых принятие решения Конституционного суда, имеющего силу *erga omnes*, могло иметь значительные преимущества с точки зрения правовой определенности [46]. Такое решение данной проблемы позволило предотвратить расхождения между параметрами решений судов общей юрисдикции, что было вполне возможным, учитывая большое количество индивидуальных решений о неприменимости тех или иных положений доконституционных законов [41, с. 735].

Однако, по мнению П. Крус Вильялона, по прошествии почти 20 лет с момента принятия Конституции все суды знакомы с руководящими принципами конституционного толкования, выработанными Конституционным судом, что позволяет им самостоятельно решать большинство проблем, связанных с конституционностью законодательства, принятого до 1978 г. С другой стороны, исключительная задача Конституционного суда, состоящая в осуществлении контроля за конституционностью законов, принятых после вступления в силу Конституции, может быть затруднена в связи с принятием на себя кон-

троля доконституционных законов, что приведет к дополнительным задержкам как в урегулировании вопросов, за решение которых Суд несет ответственность единолично, так и в разрешении тех, с которыми быстрее справятся самостоятельно суды общей юрисдикции [46].

Отметим также, что во многих странах проверка конституционности административных, а также судебных актов возложена не на конституционные суды, а на суды общей юрисдикции [23, с. 99-101]. В частности, во Франции Государственный совет в качестве высшей инстанции в системе административных судов вправе проверять конституционность актов органов исполнительной власти [46, с. 1086], а также конституционность международных обязательств Франции, что было подтверждено в решениях Совета по делам *Koné* [42] and *Sarran* [43]. Кассационный суд Франции также вслед за Государственным советом в деле *Fraisse* подтвердил особый статус конституционных норм, которые обладают верховенством над международными обязательствами Франции [14].

Практика взаимоотношений между Кассационным судом, Государственным советом и Конституционным советом свидетельствует, что указанные высшие суды Франции независимы друг от друга при формировании собственной практики толкования Конституции. В частности, существует примеры различного понимания одной и той же конституционной нормы. Например, Конституционный совет и Кассационный суд по-разному трактуют ст. 68 Конституции [15].

Аналогичным образом Государственный совет и Конституционный совет расходятся во мнениях относительно юридической значимости принципа, согласно которому молчание исполнительного органа равносильно отказу. В своем решении от 26 июня 1969 г. Конституционный совет указал, что согласно общему принципу права молчание исполнительного органа равносильно решению об отказе, которое может быть отменено только законодательным решением [16]. Государственный совет, отказываясь рассматривать его в качестве общего принципа права, указал, что юридическая фикция, заключающаяся в том, что молчание исполнительного органа дает основание для принятия решения, не существует без текста [17].

Во всяком случае представляется, что Франция, несмотря на то что представляется в качестве системы, имеющей централизованную форму конституционного контроля, характеризуется наличием трех независимых друг от друга высших судебных органов, каждый из которых может толковать Конституцию самостоятельно. Это приводит к тому, что на практике возникают случаи различного понимания одних и тех же конституционных норм и принципов, сопровождающегося к

тому же отсутствием механизма воздействия одного суда на практику другого в целях приведения к единообразному пониманию одной и той же конституционной нормы.

Таким образом, концентрация конституционного контроля может иметь иллюзорный характер, если одним из проявлений «концентрированности» контроля является обеспечение единообразного конституционного толкования. Пример Франции показывает, что ее система конституционного контроля потенциально может быть более децентрализованной, чем так называемая диффузная система, в которой единый Верховный суд страны, например в США, обеспечивает единое понимание конституционных норм.

Однако в Германии, в которой действует еще большая полисистемность [47, с. 25] судебной системы, удается тем не менее обеспечить единообразие в судебном толковании конституционных положений. Институт конституционной жалобы на решение судов общей юрисдикции, реализуемый физическими и юридическими лицами, дает возможность Федеральному конституционному суду подправить толкование Конституции, которое сопровождает принятие решений по конкретным делам в практике судов общей юрисдикции.

Однако примечательно, что это единообразие, рассматриваемое как определяющая черта европейской модели, поскольку оно представляет собой результат централизованности контроля, является не чем иным, как побочным продуктом определенного способа реализации конституционного контроля — конституционной жалобы на судебные акты, который в большей мере характерен скорее для американской, чем европейской модели, во всяком случае ее первоначальной версии, предусмотренной в Конституции Австрии 1920 г.

Более того, существует множество примеров организации конституционного контроля по европейской модели, когда оспаривание конституционности судебных актов законодательством не предусматривается. То есть обеспечение единообразия в судебном толковании конституционных норм обуславливается не органической структурой осуществления конституционного контроля, а наличием особого средства правовой защиты, позволяющего осуществлять контроль за конституционностью такого специфического акта, как судебный акт.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что централизованность конституционного контроля, признаваемая важнейшим отличительным критерием дифференциации европейской модели от американской, «размывается» целым рядом децентрализующих элементов, как предусмотренных на законодательном уровне, так и введенных судебной практикой различных конституционных судов.

ЖИТЕПАТЫПА

1. Amaral M. L., Pereira R. A. The Portuguese Constitutional Court // The Max Plank Handbooks in European Public Law. Vol. 3: Constitutional Adjudication: Institutions. Oxford, 2020. P. 678—679.
2. Brewer-Carías A. R. Judicial Review in Comparative Law. Cambridge, 1989.
3. Brewer-Carías A. R. Judicial Review. Comparative Constitutional Law Essays, Lectures and Courses (1985—2011). Caracas, 2014. P. 334—336.
4. Butt S. Indonesia's Constitutional Court and Indonesia's Electoral Systems // Constitutional Courts in Asia: a Comparative Perspective. Cambridge, 2018. P. 214—229.
5. Bundesverfassungsgesetz vom 7. Dezember 1929, betreffend einige Abänderungen des Bundes-Verfassungsgesetzes vom 1. Oktober 1920 in der Fassung des B. G. Bl. Nr. 367 von 1925 (Zweite Bundes-Verfassungsnovelle) // Bundesgesetzblatt für die Republik Österreich. 392/1929.
6. BVerfG 2, 266 (1953).
7. BVerfG, 24 February 1953 (1 BvL 21/51) (1953) NJW 497—499.
8. BVerfG, 17 January 1957 (1 BvL 4/54), published in (1957) NJW 417—420.
9. BVerfGE 138, 64 (2014).
10. BVerfGE 85, 329 (1992).
11. BVerfGE 121, 108 (2008).
12. BVerfGE 131, 88 (2012).
13. BVerfGE 138, 64 (2014).
14. Cour de Cassation, Assemblée plénière, du 2 juin 2000, 99-60.274. URL: <https://www.doctrine.fr/d/CASS/2000/JURITEXT000007040420>.
15. CC Décision n° 98-408 DC du 12. janvier 1999 Traité portant statut de la Cour pénale internationale. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1999/98408DC.htm>. Cour de Cassation, Chambre criminelle, du 10 octobre 2001, 01-84.922. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007070790>.
16. CC Décision n° 69-55 L du 26 juin 1969. Nature juridique de certaines dispositions modifiées, des articles 4, 9 et 12 de la loi du 2 mai 1930 relative à la protection des monuments naturels et des sites de caractère, historique, scientifique, légendaire ou pittoresque, des articles 2 et 13 bis de la loi du 31 décembre 1913 sur les monuments historiques et de l'article 98-1 du code de l'urbanisme et de l'habitation. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/1969/6955L.htm>.
17. Revue générale du droit. Conseil d'Etat, Assemblée, 27 février 1970, Commune de Bozas, requête numéro 76380: Revue générale du droit on line, 1970, numéro 26195. URL: www.revuegeneraledudroit.eu/?p=26195.
18. Calamandrei P. La illegittimità costituzionale delle leggi nel processo civile. Padova, 1950.
19. Calamandrei P. Opere Giuridiche. Vol. III. Diritto e processo costituzionale. Roma, 2019. P. 349.
20. Castañeda Anna Leah Fidelis T. The Origins of Philippine Judicial Review: 1900—1935 // Ateneo Law Journal. 2001. Vol. 46. P. 121—156.
21. Chaihark Hahm. Constitutional Court of Korea: Guardian of the Constitution or Mouthpiece of the Government? // Constitutional Courts in Asia: A Comparative Perspective. Cambridge, 2018. P. 141—167.
22. De Visser M. Constitutional Review in Europe: A Comparative Analysis. Oxford, 2014. P. 291—305.
23. Fromont M. La diversité de la justice constitutionnelle en Europe // Anuario iberoamericano de justicia constitucional. 2005. No. 9. P. 99—101.

24. Ferrer Mac-Gregor E. *Panorámica del derecho procesal constitucional y convencional*. Madrid, 2017. P. 98.
25. Federal Constitutional Court Act as published on 11 August 1993 (Federal Law Gazette I, p. 1473), as last amended by Article 4 of the Act of 20 November 2019 (Federal Law Gazette I, p. 1724).
26. Guillen Lopez E. *Judicial Review in Spain: The Constitutional Court* // *Loyola of Los Angeles Law Review*. 2008. Vol. 41. P. 542.
27. Iris Nguyễn Duy. *New Trends in Scandinavian Constitutional Review* // *Scandinavian Studies in Law*. 2015. Vol. 61. P. 15—16.
28. Jestaedt M. *The Constitution Conformant Interpretation — Norm Compatibilisation Through Harmonisation by Way of Interpretation* // *Relationship between the Legislature and the Judiciary: Contributions to the 6th Seoul-Freiburg Law Faculties Symposium*. Baden-Baden, 2017. P. 36.
29. Jestaedt M. *The Karlsruhe Phenomenon: What Makes the Court What It Is* // *The German Federal Constitutional Court: The Court Without Limits*. Oxford, 2020. P. 63.
30. Kaidatzis A. *Greece's Third Way in Prof. Tushnet's Distinction between Strong-Form and Weak-Form Judicial Review, and What We May Learn from It* // *Jus Politicum*. 2014. No. 13. P. 11.
31. Kelsen H. *General Theory of Law and State*. Cambridge, 1949. P. 268.
32. Kommers D., Miller R. *The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany*. Durham, 2012. P. 19—20.
33. Lamarque E. *Interpreting Statutes in Conformity with the Constitution: The Role of the Constitutional Court and Ordinary Judges* // *Italian Journal of Public Law*. 2010. Vol. 2. Iss. 1. P. 113.
34. Maik M. *Constitutional review of foreign law in English and German courts — A comparative study* // *Oxford University Comparative Law Forum* 5. 2002. URL: <https://ouclf.law.ox.ac.uk/constitutional-review-of-foreign-law-in-english-and-german-courts-a-comparative-study/>.
35. Möschel M. *Diffuse Constitutionality Review in Germany* // *Constitutionalism Under Stress. Essays in Honour of Wojciech Sadurski*. Oxford, 2020. P. 250—251.
36. O'Brien F. W. *Judicial Review in Ireland* // *Saint Louis University Public Law Review*. 1990. Vol. 9. Iss. 2. P. 587—588.
37. Yasuo Hasebe. *Supreme Court of Japan: A Judicial Court, Not Necessarily a Constitutional Court* // *Constitutional Courts in Asia: A Comparative Perspective*. Cambridge, 2018. P. 289—310.
38. Söhn H. *Die abstrakte Normenkontrolle* // *Bundesverfassungsgericht und Grundgesetz (Festgabe aus Anlass des 25-jährigen Bestehens des Bundesverfassungsgerichts / C. Starck, M. Drath (hrsg.). Erster Band (Verfassungsgerichtsbarkeit)*. Tübingen, 1976. P. 292.
39. Schlaich K., Koriototh S. *Das Bundesverfassungsgericht — Stellung, Verfahren, Entscheidungen*. 7th ed. München, 2007. P. 22.
40. STC 4/ 1981 of 2 February 1981.
41. Requejo Pagés Juan Luis. *The Spanish Constitutional Tribunal* // *The Max Plank Handbooks in European Public Law*. Vol. 3: *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford, 2020. P. 735.
42. *Revue générale du droit*. Conseil d'Etat, Assemblée, 3 juillet 1996, Koné, requête numéro 169219: *Revue générale du droit* on line, 1996, numéro 7098. URL: www.revuegeneraledudroit.eu/?p=7098.
43. *Revue générale du droit*. Conseil d'Etat, Assemblée, 30 octobre 1998, Sarran, Levacher et autres, requête numéro 200286 et 200287: *Revue générale du droit* on line, 1998,

- numéro 56869. URL: www.revuegeneraledudroit.eu/?p=56869.
44. Sentencia 111/1993, de 25 de marzo. (URL: <http://hj.tribunalconstitucional.es/de-DE/Resolucion/Show/2240>)
45. Ordinanza 23-31 maggio 1990 (URL: https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?param_ecli=ECLI:IT:CO ST:1990:279).
46. Кокотова М. А. Государственный совет Франции как орган конституционного контроля // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1086.
47. Павликов С. Г. Организация и деятельность местных судов: российский и зарубежный опыт. М., 2005. С. 25.
48. Особое мнение П. Крус Вильялона по делу № 73/1996 от 30 апреля 1996 г. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1996/05/31/pdfs/T00010-00017.pdf>.

KONSTITUSIYAYA NƏZARƏTİN AVROPA MODELİ HƏQİQƏTƏN MƏRKƏZLƏŞDİRİLMİŞDİRMI?

R.R.İSMAYILOV

XÜLASƏ

Konstitusiya nəzarətinin Avropa modelinin ənənəvi qavrayışı əsasən keçən əsrin ortalarında konstitusiya nəzarətinin təsnifatını irəli sürmüş italyan alimi Pyetro Kalamandreyi sayəsində formalaşmışdır ki, onun da ən mühüm elementlərindən biri konstitusiya nəzarətinin mərkəzləşdirilmiş və mərkəzləşdirilməmiş modelləri arasındakı qarşılaşdırılmasından ibarətdir. Bu təsnifat o dövrdə hüquq sistemlərində konstitusiya nəzarəti institutunu nəzərdə tutmuş çox məhdud sayda dövlətlərin konstitusiya təcrübəsinə əsaslanırdı. Onilliklər sonra bu ölkələrdə konstitusiya nəzarətinin təkamülü, eləcə də bir çox başqa dövlətlərdə həmin institutun yaranması və inkişafı bu sahədə formalaşmış bəzi konsepsiyalara fərqli tərzdə nəzər salmağa imkan verir. Xüsusilə ümumi yurisdiksiya məhkəmələrinin müraciətləri əsasında müxtəlif hüquq normalarının konstitusiya uyğunluğunun yoxlanılması konstitusiya məhkəməsinin konstitusiya nəzarətini həyata keçirmək inhisarını konkret normanın məcburi qaydada müvafiq subyektlər üçün konstitusiya zidd olaraq tanımaq inhisarına çevirdi. Üstəlik, Avropa modelinin mərkəzləşdirilmiş kimi tanınması ideyası ümumi yurisdiksiya məhkəmələri tərəfindən qanunların konstitusiya uyğun şərhilə, yəni mahiyyətcə qaydanın mətninin deyil, onun konstitusiya zidd olan məzmununun qadağan edilməsini nəzərdə tutan “kiçik” konstitusiya nəzarəti fəaliyyəti ilə daha da zəifləyir. Bir sıra ölkələrdə ümumi yurisdiksiya məhkəmələrinin “konstitusiya əvvəlki” qanunlar üzərindəki nəzarəti də Avropa modelinin müəyyən dərəcədə mərkəzləşdirilməsindən xəbər verir. Fransada Kassasiya Məhkəməsi, Dövlət Şurası və Konstitusiya Şurası arasındakı münasibətlərə dair mövcud təcrübə onu göstərir ki, bu ölkədə üç müstəqil ali məhkəmə orqanı var və onlardan hər biri Konstitusiyanı müstəqil olaraq şərh edə bilər. Beləliklə, Avropa modelinin mərkəzləşdirilməsi həm qanunvericilik səviyyəsində təmin edilən, həm də müxtəlif konstitusiya məhkəmələrinin məhkəmə praktikasında tətbiq edilən bir sıra mərkəzləşdirmə elementləri vasitəsilə pozulmuş olur.

Açar sözlər: konstitusiya nəzarətinin Avropa modeli, mərkəzləşdirilmiş nəzarət, konstitusiya nəzarətinin həyata keçirilməsində konstitusiya məhkəməsinin monopoliyası, konstitusiya-konformal şərh, konstitusiya qədərki qanunlar, məhkəmə şərhilə

IS THE EUROPEAN MODEL OF CONSTITUTIONAL REVIEW SO CENTRALISED?

R.R.ISMAYILOV

SUMMARY

The traditional perception of the European model of constitutional control was formed largely thanks to the Italian scientist Piero Calamandrei, who developed in the middle of the last century a classification of constitutional control, one of the most important elements of which is the opposition of centralized and decentralized models of constitutional control. This classification was based on the constitutional experience of a very limited number of states that provided the institution of constitutional control in their legal systems at that time. After several decades, the evolution of constitutional control in these countries, as well as its establishment and development in many other states, allows us to take a different look at some well-established concepts. In particular, the verification of constitutionality, carried out on the basis of appeals from courts of general jurisdiction, turned the monopoly of the constitutional court on the exercise of control over constitutionality into its monopoly on the mandatory recognition of the norm unconstitutional for the relevant subjects. In addition, the centralization of the European model is further weakened as a result of the interpretation of laws by courts of general jurisdiction in accordance with the constitution, which is essentially a “small” constitutional control designed to prohibit the unconstitutional content of the norm, rather than its text. The verification of “pre-constitutional” laws by courts of general jurisdiction, conducted in a number of countries, also indicates some decentralization of the European model. The existing practice in France of the relationship between the Court of Cassation, the Council of State and the Constitutional Council shows that in this country there are three independent supreme judicial bodies, each of which can interpret the Constitution independently. Thus, the centralization of the European model is eroded by a number of decentralizing elements provided for both at the legislative level and introduced by the judicial practice of various constitutional courts.

Keywords: European model of constitutional control, centralized control, monopoly of the constitutional court on the exercise of constitutional control, constitutional-conformal interpretation, pre-constitutional laws, judicial interpretation.